

СИСТЕМНЫМ КУРЬЕРЗ

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

Сергей Реалов

Системный курьер - 3

<https://litres.ru/74380318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Воронов, создатель крупнейшей службы доставки, погибает от отравленного заказа — и просыпается в теле девятнадцатилетнего курьера Льва. Вместо пентхауса — разгромленная квартира, долги и опасные собутыльники. Вместо власти — старый велосипед, больное тело и приложение собственной компании, которое теперь диктует сроки ему.

Таинственная система обещает награды за выполненные задания, но чудес не дарит: каждый рубль, маршрут и союзника приходится добывать трудом. Используя опыт бизнесмена, Кирилл начинает строить жизнь заново — с первой доставки, первого клиента и первого честного договора.

Это история второго шанса, бизнеса снизу и настоящей человеческой логистики. Но кто убил его, почему выбрали именно Льва и можно ли вернуться к дочери?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Реалов

Системный курьер - 3

Курьер с Рублевки

Том 3

Глава 1

В воскресенье я проснулся без будильника — когда за окном только начинал светлеть двор. Субботние восемь адресов остались в теле тяжестью в ногах — тупой болью в правом плече и горячей полосой на пятке, но ночь была цельной: я не просыпался от голода, не вставал к крану и не ворочался до рассвета, как в первые дни. Я полежал ещё секунду, проверяя, не отзовется ли пятка при первом движении.

После овсянки я воду, съел овсянку и лишь потом открыл тетрадь. Янтарное тепло пришло спокойно, не заслоняя ни

плечо, ни пятку, и сухая строка легла поверх живых ощущений, ничего в них не отменяя: «Восстановление: день девятый подтверждён. День десятый начат». Пар от овсянки запотел край страницы, и я вытер его тыльной стороной пальца.

Я поставил рядом с цифрой дату: девятый день закрыла прошедшая ночь, а десятый закончится только со следующим сном.

До встречи у Виталия оставалось больше часа. Я сменил пластырь, сделал короткую растяжку сидя, не поднимая больную руку выше груди, и приготовил завтрак с запасом воды на дорогу. Система могла считать последовательность; расплачиваться за неё всё равно приходилось телом — едой, движением и вовремя погашенным светом.

К десяти воскресного утра Виталий встретил меня у распахнутых ворот мастерской, вытирая руки той же промасленной тряпкой, которую я видел у него уже раз пять, и махнул головой куда-то в глубину двора, где у стены стоял невысокий, коренастый мужчина в потёртой куртке с логотипом давно закрывшейся службы доставки на груди.

— Пришёл раньше меня, — сказал Виталий вместо приветствия. — Не терпится продать, видать. Артур, это Лев, тот самый покупатель.

— Артур, — представился мужчина, протягивая широкую руку с вьёвшейся в костяшки чернотой машинного масла. — Мне сказали, срочно нужен бокс под работу, а не под

коллекцию. Смотри сам, только учти сразу — цену не сдвину. Мне сегодня долг закрывать, я потому и приехал с утра.

Я почувствовал укол узнавания — не жалости, а того самого профессионального чутья, которое отличает человека, продающего вещь от нужды, от человека, который просто торгуется, — и решил не давить на эту нужду ради лишней сотни.

— Цена и не будет сдвигаться, — сказал я, присаживаясь на корточки рядом с боксом, серым пластиковым коробом с двумя молниями по бокам и потёртой ручкой сверху. — Мне нужно, чтобы он держал температуру и не разваливался в дороге, а не чтобы был красивым.

Я откинул верхнюю крышку, провёл ладонью по внутренней стенке — холодная, гладкая, без вмятин, — и надавил на дно обеими руками, проверяя, не гуляет ли короб под нагрузкой.

— Дно жёсткое, — сказал Виталий, присев рядом и вставив палец в шов молнии. — Смотри здесь, замок не разболтан, зубья все на месте, ходит туго, но ровно. Уплотнитель вдоль крышки целый, ни трещины, ни разохшегося куска.

— Внутренняя стенка не подмокала? — спросил я, наклоня короб к свету и заглядывая под верхний клапан, где обычно скапливается влага, если термобокс однажды перестоял с талым льдом внутри.

— Не подмокала, — ответил Артур, чуть напрягшись, будто вопрос задел его честность. — Я на нём полгода разво-

зил суши, потом фирма закрылась, полгода стоял в кладовке сухим. Хочешь — понюхай, плесенью не пахнет.

Я понюхал — не потому что не доверял его слову, а потому что запах плесени внутри термобокса означал бы будущую проблему с клиентской едой, которую нельзя было решить стиркой, — и запах оказался нейтральным, чуть пластиковым, без сырости. Я задержал дыхание на миг и ощутил только чистый пластик.

— Ремни на месте? — спросил я, переворачивая короб и оглядывая крепёжные петли снизу.

— Родных нет, — признался Артур. — Отдам два своих, попроще, чем у тебя на старом боксе, но крепкие, тканевые. Или сам купишь под свой кронштейн, дело хозяйское.

— А холодильный элемент внутри штатный или самодельный? — спросил я, заглядывая под боковую панель, где обычно крепится аккумулирующая пластина, держащая холод дольше обычного пенопласта.

— Штатный, заводской, — сказал Артур, чуть оживившись, будто вопрос затронул то, чем он сам когда-то гордился в своей работе. — Я эти боксы полгода эксплуатировал каждый день, знаю их насквозь. Пластина держит холод часов шесть без подзарядки в морозилке, я лично засекал секундомером в первую неделю, когда только устроился, хотел понять, сколько у меня запаса на длинные маршруты.

— Засекал секундомером, — повторил я с уважением, узнавая в этой мелкой, почти маниакальной дотошности ту

же породу людей, что сам нанимал в логистику двадцать лет назад: тех, кто проверяет цифры сам, а не верит паспорту изделия. — Многие на твоём месте просто бы возили и не задумывались.

— Я такой, — сказал Артур, чуть пожав плечами, будто оправдываясь за собственную привычку. — Начальник смены надо мной смеялся, говорил, чего ты как учёный с приборами. А потом сам же спрашивал у меня, сколько простит заказ, если пробка на кольце встанет на час.

Виталий, слушавший этот обмен со стороны, коротко хмыкнул и покачал головой и постучал пальцами по верстаку.

— Вот таких продавцов люблю, — сказал он. — Не втюхивает и не молчит, а прямо говорит, что знает и откуда знает.

Виталий поднялся, отряхнул колени и посмотрел на меня с той короткой, деловой прямоотой, с которой смотрел бы мастер на клиента, доверяющего его глазу.

— От меня скажу так: короб живой, — сказал он. — Больших денег в ремонт не потребует ближайший год, если возить аккуратно. Дальше твоё решение, я своё слово сказал.

Я выпрямился, отряхнул руки о штаны и посмотрел на Артура — не на короб, а именно на него, на усталое лицо человека, который в воскресенье с утра поехал продавать рабочий инструмент, потому что обещал вернуть долг. У него на рукаве темнело старое масляное пятно, которое он не пы-

тался спрятать.

— Беру, — сказал я. — Четыре тысячи восемьсот, как договаривались с Виталием.

Артур выдохнул — коротко, почти неслышно, но я разглядел, как расправились его плечи, — и полез во внутренний карман куртки за старым, потёртым чехлом для документов.

— Возьми ещё расписку, — сказал он, доставая сложенный вдвое тетрадный лист и ручку. — Мало ли, вдруг спросят потом, откуда у тебя чужой бокс с логотипом моей бывшей конторы на боку. Напишу, что продал добровольно, да-та, подпись.

— Не откажусь, — сказал я, разворачивая лист на верстаке Виталия и глядя, как Артур неровным, но разборчивым почерком выводит текст. — Мало кто из продавцов сам предлагает бумагу, обычно клиент просит, а продавец кривится.

— Я порядок люблю, — сказал Артур, протягивая мне расписку и забирая деньги, которые я отсчитал прямо там же, на верстаке, пятью бумажками и мелочью россыпью. — Раньше сам был начальником смены, помню, как без бумажки потом человека затаскают вопросами.

Я достал из кармана свои деньги — четыре тысячи восемьсот рублей, отложенные ещё вчера вечером отдельно от учитываемого заработка, — и, отсчитав купюры, ощутил лёгкий, почти физический укол расставания с суммой, кото-

рая ещё вчера казалась абстрактной строкой в тетради, а сегодня стала конкретным, осязаемым весом бумаги, покинувшим карман. Купюры шершаво легли на верстак, и пустота в кармане стала заметной сразу.

— Спасибо, брат, — сказал Артур, пряча деньги во внутренний карман и застёгивая молнию куртки. — Правда вовремя. К обеду позвоню человеку, скажу, что закрыл вопрос.

Он ушёл быстрым шагом — не оборачиваясь, а я остался стоять над новым боксом, чувствуя короткое, но ясное удовлетворение делового человека, купившего инструмент по разумной цене у человека, которому эти деньги были нужнее, чем мне — та же арифметика выгоды, что я вёл всю жизнь, только сегодня в ней стояла не абстрактная маржа, а чьё-то облегчённое лицо. Артур спрятал деньги так быстро, будто боялся, что воскресенье передумает.

— Хороший мужик, — сказал Виталий, кивая вслед уходящему Артуру. — Жалко его контору, хорошая была служба, пока не разорилась. Ладно, давай поставим его ремни под твой кронштейн, раз уж бокс твой теперь.

Он взял два тканевых ремня с металлическими трещотками, которые Артур оставил вместе с боксом, проверил ленты на сгибах и дёрнул каждую пряжку.

— Живые, — сказал он. — Денег за них отдельно не было, Артур включил в цену. Покажу, как правильно натягивать под этот замок: у него защёлка другая, чем у твоего.

Виталий продел ремень через петлю на дне бокса, обвёл

вокруг корпуса и защёлкнул трещотку коротким, уверенным движением, потом дважды крутанул рычаг до характерного щелчка.

— Вот так, — сказал он. — Двойной оборот перед защёлкой, иначе на тряске раскрутится раньше времени. Смотри у Ромы то же самое проверь в понедельник, если он этот бокс возьмёт.

— В понедельник у него служебный, оксанин, — сказал я. — Этот пока мой, личный резерв под второй маршрут, если вдруг понадобится второй комплект раньше, чем я рассчитываю.

Я закрепил новый бокс на багажнике и, покачав корпус в разные стороны, убедился, что усиленная скоба держит незнакомый ей груз так же ровно, как держала мой обычный термобокс всю неделю.

— Держит, — сказал я, ещё раз проверяя защёлки. — Домой поведу велосипед рядом: пустой короб останется на багажнике, зато я сразу услышу, если крепление начнёт играть. Спасибо за компанию при покупке, вдвоём проверять надёжнее, чем одному.

— Обращайся, — сказал Виталий, возвращаясь к своему правочному станку и колесу, поджидавшему его весь этот разговор. — Как понедельник пройдёт, расскажи, если что опять сломается.

Дорога домой заняла Дорога домой заняла двадцать минут. Я вёл велосипед обеими руками на неровных местах,

прислушивался к сухим щелчкам крепления и дважды останавливался, чтобы подтянуть ремни после первых выбоин. На середине пути поймал себя на том, что впервые за последние дни иду по городу не по расчёту маршрута, а просто потому, что дорога от мастерской до дома была одной из немногих, где мне сейчас было некуда торопиться.

Дома, поставив велосипед и оба бокса — старый и новый — рядом у стены, я сел на табурет и впервые за утро замер, вслушиваясь в собственное тело так, как слушал бы отчёт нового цеха: не веря на слово ощущению «нормально», а проверяя каждую часть отдельно.

Правое плечо отозвалось тупой — тянущей болью, стоило поднять руку выше уровня груди. Усиленная скоба вчера удерживала бокс на багажнике, а мышца получила весь груз, когда я обеими руками снимал тяжёлый короб с велосипеда и нёс его от площадки до кухни: четыре литровые банки, две двухлитровые бутылки воды и остальная закупка тянули руки вниз. Поясница держала, но каждое резкое движение отзывалось в ней коротким предупреждающим уколом. На правой пятке, там, где ботинок за неделю растёр кожу до мозоли, при каждом шаге отзывалась узкая полоса жжения — вчерашние семнадцать минут по перекопанному тротуару не прошли бесследно.

«Восемь адресов за один день — это не то же самое, что восемь адресов, растянутых на неделю», — подумал я, снимая ботинок и осматривая пятку под ярким светом кухонной

лампы. Кожа была не вскрыта, но заметно истончена, и ещё один такой день без пластыря превратил бы мозоль в открытую рану.

Аптечка, купленная ещё в первые дни восстановления, обнаружилась на полке над раковиной — бинт, перекись, пластырь и старый, пожелтевший тюбик мази от ссадин, оставшийся, судя по этикетке, ещё от прежнего хозяина тела. Я обработал пятку по всем правилам, какие помнил ещё с тех давних лет, когда лично финансировал медицинский центр для сотрудников холдинга и настоял, чтобы там висели простые, понятные инструкции по первой помощи для линейного персонала, — перекись, просушить, пластырь широкой лентой, не туго.

— Сегодня без длинных прогулок, — сказал я вслух пятке, натягивая чистый носок. — Заслужила отдых честно.

Растяжку я всё же сделал — не полную, а сокращённую, без наклонов, которые нагружали бы плечо, только шея, руки и спина в положении сидя, — и, закончив, вышел во двор, туда же, к ржавому турнику у детской площадки, где вчера в это время меня ждали бы Толян и Витёк, а сегодня скамейка стояла пустой под мутным серым небом.

Подтягиваться правым плечом я не рискнул — тело само остановило руку на середине движения тем же честным сигналом — каким останавливало меня всю неделю, различая усталость и поломку, — и вместо этого сделал то, что плечо разрешало: приседания на песке, лёгкие наклоны в стороны

без нагрузки на верх корпуса, растяжку голеней у бортика площадки. Пятнадцать минут дались телу легче, чем показалось бы со стороны, и, закончив, я почувствовал не привычную рабочую усталость, а именно то ощущение, которое искал, — тело двигалось, но не платило за это новой ценой.

Вернувшись домой — я разложил на табурете всю рабочую одежду за неделю — две футболки, рабочие штаны, ветровку — и, налив в старый тазик горячей воды из чайника, застирал воротники и подмышки хозяйственным мылом, тем самым методичным, почти ритуальным движением, каким когда-то в блокноте расписывал регламенты для новых директоров смены: не потому что стирка требовала особого искусства, а потому что порядок в мелочах держал порядок в голове.

Глава 2

— Завтра отвечать за чужие обеды, — сказал я вслух, развешивая мокрую одежду на верёвке у окна, — а не выйдешь на люди в форме, которая сама по себе кричит «ко мне без доверия».

Пока одежда сохла, я пересчитал наличные и восстановил движение каждой купюры от последнего уже проверенного остатка. После выдачи по предыдущей обычной смене у меня оставались тысяча пятьсот тридцать восемь рублей из двух последних выплат. В среду из этого конверта ушли

пятьсот шестьдесят за два ремня и панель, а две корпоративные карточки и три городских адреса принесли две тысячи девятьсот двадцать. В четверг скоба стоила триста. Пятничные две корпоративные карточки и три городских адреса дали ещё две тысячи девятьсот двадцать, субботний расчёт с чаевыми — четыре тысячи сто сорок, и шестьсот я отдал Роме. Получалось ровно десять тысяч пятьдесят восемь рублей перед сегодняшней покупкой и пять тысяч двести пятьдесят восемь после четырёх тысяч восьмисот, отданных Артуру.

Я положил тысячу двести в конверт на еду и коммуналку, а оставшиеся четыре тысячи пятьдесят восемь оставил свободными. Учитываемая системная сумма — двадцать две тысячи восемьсот двадцать из двадцати пяти тысяч — жила отдельно в тетради и янтарной строке: она складывала оплату выполненной работы — тогда как на столе лежала физическая касса после покупок и частной выплаты Роме.

— До конца месяца по картошке и крупе проживу спокойно, — сказал я, подсчитав обе кучки второй раз. — Бокс уже куплен, а свободный остаток выдержит следующую рабочую неделю.

Обед я сварил из того, что нашлось: половина луковицы, три картофелины и последняя банка тушёнки, оставшаяся ещё с прошлой недели, — блюдо, которое неделю назад показалось бы мне немыслимо скудным, а сегодня, после овсянки на воде и яичницы через день, отозвалось во рту почти праздничным вкусом сытости. Я съел его медленно, за

столом, глядя в окно на серое небо, обещавшее дождь, но так и не собравшееся его пролить, и впервые за долгое время позволил себе просто посидеть без тетради под рукой ещё несколько минут после еды.

Постучали в дверь около четырёх — не резко — а тем особым, вежливым стуком, каким стучат соседи, знающие, что могут получить отказ и заранее готовые его принять. За дверью стояла Марина Сергеевна, всё в том же цветастом халате, но сегодня с закрытой кастрюлей в обеих руках, и, увидев меня, чуть смутилась, будто сама не до конца понимала, зачем пришла.

— Лёва, не помешала? — спросила она, чуть приподнимая кастрюлю, словно та была одновременно и поводом, и оправданием визита. — Я борщ варила, вышло много, куда мне одной столько. Дай, думаю, соседу отнесу, всё равно испортится, если сама всё не съем.

— Не помешали, — сказал я, невольно улыбнувшись открытой, немного неловкой щедрости этого жеста. — Заходите, если время есть, а то на пороге стоять неудобно.

Она вошла, аккуратно поставила кастрюлю на стол, и, оглядев кухню — сохнущую на верёвке одежду, аккуратно составленные в углу два термобокса, тетрадь, закрытую на середине стола, — покачала головой с той же смесью удивления и одобрения, что и вчера на лестничной клетке.

— Прибрано у тебя, — сказала она, присаживаясь на предложенный табурет. — Раньше, помню, соседка снизу

жаловалась, что от твоей двери мусорные пакеты неделями не выносились, вонь на лестницу шла. А сейчас смотрю — как у человека.

— Стараюсь, — сказал я, доставая тарелку и разливая борщ, красный, наваристый, пахнущий свежим укропом, — тем более что отказываться от такого жеста, да ещё и от прямого, честного соседского великодушия, было бы попросту глупо и невежливо. — Спасибо, что зашли, это вообще-то очень кстати, у меня из готового только вчерашняя картошка была.

— На здоровье, — сказала Марина Сергеевна, глядя, как я пробую первую ложку и не могу сдержать короткого, искреннего удовольствия от вкуса — не потому что борщ был изысканным, а потому что был домашним, сваренным чужими заботливыми руками, а не разогретым в одиночку. — Знаешь, я почему решила отнести именно тебе. Ко мне вчера дочка заходила, она у нас в этом же доме этажом выше живёт, у неё мальчонка есть, восемь лет. Так вот он мне и говорит: бабушка, а этот дядя курьер, он же тот самый, что раньше с Гариком и его компанией пил у подъезда? А я и растерялась, не знала, что сказать, потому что и правда, было же дело, весь двор помнит.

Я замер с ложкой на полпути ко рту — не потому что вопрос был обвинением, а потому что впервые прозвучал вслух, прямо и без обиняков, тот факт, что моя новая жизнь строилась поверх чужой, уже прожитой репутации, которую

я сам не создавал, но обязан был теперь как-то нести. Ложка дрогнула, и капля борща упала обратно в тарелку.

— Было, — сказал я, честно, не пытаясь ни оправдаться, ни спрятаться за туманными словами. — Не буду врать, что не было. Но сейчас — нет, и, надеюсь, больше не будет.

— Я так внуку и сказала, — кивнула Марина Сергеевна, и в её голосе прозвучало что-то вроде облегчения, будто она сама ждала от меня именно такого прямого ответа, а не оправданий. — Люди меняются, говорю, вот, смотри, дядя теперь по утрам с боксом бегают, а не с бутылкой сидит. Но ты пойми, Лёва, слух-то по двору быстро расходится, а стирается медленно. Тебя ещё долго кто-то будет мерить той меркой, а не сегодняшней.

— Понимаю, — сказал я, доедая борщ и чувствуя, как тёплая, сытная еда странным образом смешивается внутри с этим неприятным, но честным напоминанием. — Значит, буду доказывать не словами, а тем, что делаю каждый день. Другого способа всё равно нет.

— Вот это правильный подход, — сказала Марина Сергеевна, поднимаясь с табурета и забирая пустую кастрюлю обратно под мышку. — Кастрюлю не мой, я вечером сама зайду заберу, заодно ещё компоту принесу, если останется. И знаешь что — если Гарик с этим своим Толяном опять к тебе сунутся кланчить, ты не стесняйся, кричи погромче, весь подъезд сбежится, тут все уже видят, кто ты теперь, а кто они.

Она ушла, оставив пустую тарелку и лёгкий запах укропа. В подъезде хлопнула дверь, и я невольно прислушался. Для соседей Лёва оставался суммой долгов, попоек и чужих рассказов, которые успели обежать двор раньше меня. Одной исправной смены было мало. Я не собирался оправдываться перед каждым встречным, но решил больше не отдавать прошлому ни одного нового повода говорить за меня.

Рома написал мне сам, около шести, сообщение: «Можешь сегодня? Хочу бокс прогнать на ходу, а то в субботу трещотка подвела». Я ответил, что могу, и через сорок минут мы встретились у диспетчерской — пустой в воскресенье, тёмной, с одним дежурным светом над стойкой, — где Рома уже стоял с велосипедом, на багажнике которого красовался тот самый служебный термобокс, взятый, судя по номеру на крышке, отдельно у Оксаны под воскресную проверку.

— Оксана дала под запись до вечера, — пояснил Рома, заметив мой взгляд на боксе. — Сказала, раз завтра пилот, лучше прогнать крепление сегодня, чем выяснять на маршруте с настоящим заказом внутри.

— Разумно, — сказал я, присаживаясь на корточки у заднего колеса его велосипеда. — Покажи, где вчера сорвалась трещотка.

Рома указал на левый ремень, и я, взяв его в руки, повторил вчерашнее движение — натянул ленту, довёл рычаг до фиксирующего щелчка, потом отпустил и попросил Рому сделать то же самое.

— Ещё раз, — сказал я, когда с первой попытки щелчок вышел неуверенным, тихим. — Рукоять до упора, не до ощущения «вроде хватит». Разница между «вроде» и «до упора» — это разница между тем, довезёшь ты сок в целости или будешь его вытирать с пола чужого офиса.

Рома повторил движение ещё дважды, и на третий раз рычаг наконец лёг с тем же характерным щелчком, какой я слышал вчера у себя.

— Вот теперь чувствую, — сказал он, покачав корпус бокса рукой и убедившись, что тот не сдвигается ни на миллиметр. — Буду теперь всегда до этого звука дожимать, а не на глаз.

— Загрузи его чем-нибудь и прокатись пару кругов по двору, — сказал я. — Пустой бокс на тряске ведёт себя иначе, чем гружёный, а завтра тебе нужно, чтобы разница не стала сюрпризом посреди рабочего маршрута.

Рома кивнул, зашёл в подсобку диспетчерской и вернулся с пятью пустыми пластиковыми контейнерами, взятыми у Оксаны специально под такую проверку, уложил их в бокс тем же порядком, каким завтра лягут настоящие обеды, и, оседлав велосипед, сделал два круга по неровному асфальту двора, специально въезжая в те же выбоины, что я выбирал в субботу для своей проверки.

— Ремень держит, скрипов нет, — доложил он, останавливаясь рядом со мной и переводя дыхание. — Разве что на резком повороте бокс чуть повело в сторону, но не критич-

но, я успел выправить рулём.

— На каком именно повороте? — спросил я, вспоминая маршрут до бизнес-центра Сергея Николаевича, который сам проезжал в субботу и держал в голове по частям.

— Там, где дорога у арки сужается, — сказал Рома, показывая рукой направление. — Если завтра поедешь тем же путём мимо стройки на Мичуринском, там разворот такой же резкий, я лучше объеду по прямой, чуть длиннее, зато без риска.

— Разумное решение, — сказал я. — Лишних сорок секунд дороги дешевле, чем рассыпанный по асфальту чужой обед.

Я выпрямился, отряхнул руки и достал из кармана сложенный листок, на котором ещё утром набросал расчёт понедельничного маршрута — не для того, чтобы диктовать Ро-ме порядок действий, а чтобы у обоих перед глазами была одна и та же арифметика, а не два разных представления о завтрашнем дне.

— Кухня Валентины подтвердила пять обедов к двенадцати двадцать, — сказал я, разворачивая листок на седле велосипеда. — Офис Сергея Николаевича ждёт к двенадцати сорок пять. У тебя окно с двенадцати до двух, ты сам его назвал в субботу. Смотри, укладываемся: приёмка бокса у Оксаны в двенадцать, забор заказа у Валентины в двенадцать двадцать, дорога пятнадцать минут, доставка к двенадцати сорока пяти с запасом, обратно к четырнадцати.

Рома взял листок, пробежал глазами, посчитал что-то про себя, шевеля губами, и коротко кивнул.

— По времени сходится, если без сюрпризов, — сказал он. — А если офис на другом этаже окажется, или пропуск не сразу оформят? У меня учёба в семь, но до неё мне ещё домой заехать, помыться, тетради собрать — я реально не могу задержаться дольше половины третьего, край.

— Заложи это в голову с самого начала, — сказал я. — Если увидишь, что к половине третьего не укладываешься, звони мне сразу, не жди, пока ситуация станет критичной. Я либо приеду сам забрать оставшееся, либо решим с Оксаной, кто подхватит хвост.

— Годится, — сказал Рома, убирая листок в карман куртки, но тут же остановился, будто вспомнил что-то более важное, чем логистика. — Слушай, а по деньгам. Тысяча сто за рейс — это за пятерых. А если клиент реально расширится до десяти, ты говорил тысяча триста пятьдесят. Это через сколько случится, если случится вообще? Просто я хочу понимать, стоит ли мне вообще всерьёз рассчитывать на этот третий маршрут или это разовая подработка на неделю.

Я оценил вопрос как честный, деловой, а не как попытку выбить прибавку раньше времени, — вопрос, который задал бы любой профессионал, решающий, вкладывать ли в новую задачу реальное время своей жизни.

— Честно скажу — не знаю, — сказал я. — Три пилотных дня покажут, устраивает ли клиента качество и не срывается

ли график. Если да — он либо расширяется сам, либо остаётся на пяти, и тогда ставка так и будет тысяча сто постоянно. Я не буду обещать тебе то, чего сам ещё не вижу.

— Честно — это хорошо, — сказал Рома, но в его голосе прозвучала лёгкая, не скрываемая досада. — Только смотри, если тысяча сто станет постоянной ставкой на месяцы, а не на неделю, это дорого мне обходится: два часа посреди дня, дорога туда-обратно, риск не успеть на учёбу — за такое я в других местах брал бы больше. Мать на лекарства уходит половина моей зарплаты, каждый лишний час у меня на счету буквально в деньгах.

Я задержался с ответом, взвешивая его слова не как формальность, а как реальный деловой аргумент человека, знающего цену своему времени, — тот самый разговор, который я вёл десятками раз с курьерами, водителями и менеджерами, только раньше сидел по другую сторону стола.

— Тогда давай так, — сказал я. — Первые три дня — тысяча сто, как договорено, это цена входа в пилот, и её я не пересматриваю задним числом. Но если пилот превращается в постоянный маршрут дольше двух недель, садимся втроём с Оксаной и пересчитываем ставку заново — не с нуля, а от факта: сколько реально стоит твоё время с учётом дороги и риска для учёбы. Это не обещание прибавки, это обещание честного разговора в конкретный день, а не тишины.

Рома обдумал это, глядя куда-то в сторону тёмных окон диспетчерской, и, видимо, найдя ответ достаточно взрослым

и конкретным, чтобы ему поверить, кивнул.

— Через две недели, значит, — сказал он. — Записал в голове дату, спрошу сам, если ты забудешь.

— Не забуду, — сказал я. — Но если спросишь — тем лучше, значит, помнишь цену своего труда, а не просто ждёшь милости.

Он усмехнулся — коротко, почти незаметно, — и, забросив рюкзак на плечо, покатил велосипед к дальнему углу двора, где стоял велосипедный навес.

— До завтра тогда, — сказал он. — В двенадцать у диспетчерской.

Глава 3

— В двенадцать, — подтвердил я. — Пломбы сверяй сам, список сверяй сам, а если что-то не сходится — звонок мне раньше, чем звонок клиенту.

Оксана вышла из подсобки диспетчерской с ключами в руке и телефоном, прижатым к уху плечом, и, закончив короткий разговор, кивнула мне на свободный стул у стойки.

— Слышала часть про две недели, — сказала она, садясь напротив и раскрывая на экране расписание понедельника. — Правильно сделал, что не обещал прибавку сходу. Теперь моя часть. Официально фиксирую: Рома назначен исполни-

телем на понедельник, среду и пятницу, окно с двенадцати до четырнадцати тридцати, оплата за каждый закрытый рейс идёт через мою ведомость из клиентской карточки Сергея Николаевича.

— Записываю тем же порядком, что и в субботу, — сказал я. — Ты ведёшь расписание и назначение, я веду клиента и маршрутные требования.

— Именно, — подтвердила Оксана, делая пометку в системе. — И ещё одно: я не буду снимать с него городские заказы на весь день ради двух с половиной часов пилота. В свободное время после четырнадцати тридцати он может брать обычные адреса, если захочет и успеет до учёбы. Это не обязанность, а его выбор.

— Логично, — сказал я. — Ему и так есть о чём думать, не буду сверху навязывать ещё и это решение.

— Термобокс выдаю ему завтра в двенадцать под подпись, — продолжила Оксана, листая дальше. — На все три пилотных дня один и тот же комплект, номер такой же, как в субботу. После пятницы, если пилот продлится, разговор о собственном оборудовании — уже твой с ним, не мой. Моя часть — расписание, ставка, назначение.

— Понял границу, — сказал я. — Не буду её нарушать в обе стороны.

Она подняла на меня взгляд — короткий, чуть испытующий, будто проверяла, не соврал ли я насчёт этой границы уже сейчас, в разговоре, — и, видимо, удовлетворившись от-

ветом, вернулась к экрану.

— Тогда всё готово с моей стороны, — сказала она. — Осталось, чтобы клиент подтвердил то же самое своими словами, а не через тебя пересказанное. Позвони ему сегодня, а не в последнюю секунду перед выходом.

Я вышел из диспетчерской на улицу и набрал Сергея Николаевича, стоя у обочины, где фонарь уже начинал тускло разгораться в сгущающихся сумерках.

— Сергей Николаевич, добрый вечер, — сказал я, когда он ответил после второго гудка, судя по звуку, где-то на кухне — на фоне слышался плеск воды и стук посуды. — Хочу свести все детали завтрашнего пилота, чтобы утром не искать друг друга в последнюю минуту.

— Давайте, — сказал он, и звук воды стих, будто он отошёл от крана. — Список я вам отправил в субботу вечером, вы получили?

— Получил, — подтвердил я, разворачивая на ходу телефон и открывая присланное сообщение. — Пять имён: вы сами, Дарья из бухгалтерии, Игорь Петрович, Настя-администратор и Виктор из технической поддержки. Один пункт — Настя без лука категорически, аллергия, не каприз. Верно?

— Верно, аллергия настоящая, один раз перепутали в другом месте, потом полдня откачивали, — подтвердил Сергей Николаевич уже серьёзнее. — Остальные без ограничений.

— Адрес и пропуск, — сказал я. — Курьер будет не я лично, а мой напарник Роман. На завтра ему нужен госте-

вой пропуск, а на среду и пятницу, если пилот продолжится, оформим отдельные заявки.

— Адрес я указал в сообщении, бизнес-центр на Мичуринском, седьмой этаж, — ответил Сергей Николаевич. — Гостевой пропуск закажу на ресепшене на имя Романа, пусть паспорт при себе держит. У нас первый этаж строгий: документ проверяют, а выше турникета пропустят только с сотрудником.

— Передам ему, — сказал я, делая пометку прямо в блокноте телефона. — Оплата — как договаривались, по каждой принятой карточке?

— По карточке, — подтвердил Сергей Николаевич. — Переведу сразу после того, как Настя распишется за приём, у меня для этого отдельный корпоративный счёт под представительские расходы, задержек не будет.

— И последнее, — сказал я. — Какой критерий для вас будет означать, что пилот удался и есть смысл говорить о расширении до десяти?

Он на секунду задумался, и в трубке снова зашумела вода — видимо, он вернулся к раковине, но теперь говорил громче, перекрикивая звук.

— Три дня без опозданий больше чем на десять минут, еда горячая, ничего не перепутано, и чтобы Настя не отравилась луком, — сказал он с сухим смешком. — Если так, я лично поговорю с директором о расширении на весь этаж, у нас там ещё человек пять хотели бы подключиться, но ди-

ректор пока осторожничают с новым поставщиком.

— Тогда сделаем так, чтобы вам было что показать директору, — сказал я, чувствуя, как в груди коротко и знакомо разгорается тот самый деловой азарт, с которым я когда-то заходил на переговоры о региональном расширении. — До завтра, Сергей Николаевич.

— До завтра, — ответил он. — Жду в двенадцать сорок пять.

Домой я вернулся в темноте, и, поднимаясь по лестнице, услышал, как за дверью Марины Сергеевны звякнула цепочка, — она выглянула, увидела меня и молча кивнула, будто закрывая какой-то свой внутренний вопрос, оставшийся после дневного разговора, и снова скрылась за дверью.

Дома я достал тетрадь и подвёл итог дня без единой прибавки к учитываемому заработку: покупка второго бокса за свои четыре тысячи восемьсот, стирка рабочей одежды, сильная тренировка, борщ от Марины Сергеевны и её честное напоминание о дурной славе, разговор с Ромой о ставке и границах, официальное назначение у Оксаны, финальное подтверждение всех деталей у Сергея Николаевича. Учитываемая сумма осталась той же, что и вчера вечером: двадцать две тысячи восемьсот двадцать из двадцати пяти тысяч.

— Десятый день начался с этого утра и заканчивается только сном, — сказал я вслух, обводя цифру в тетради тем же движением, каким обводил каждый вечер уже девять дней подряд. — Значит, ложусь пораньше, а не сижу над ли-

стом до полуночи, любуясь собственной подготовкой.

Вечерний уход я провёл тем же порядком, что и всю неделю: крем на плечо, которое к вечеру ныло меньше, чем утром, свежий пластырь на пятку, короткая растяжка без резких движений. К семи сварил небольшую порцию гречки и съел её с варёным яйцом. Дневной борщ давно перестал быть ужином, а десятый день нельзя было завершать пустым желудком только потому, что работа на сегодня закончилась.

Лёг я в половине десятого, чувствуя редкое, почти забытое ощущение — ни один пункт завтрашнего дня не требовал от меня решения прямо сейчас: список согласован, пропуск заказан, кухня подтверждена, Рома знает своё окно, а второй бокс стоит у стены, готовый к работе. Я закрыл глаза, и последняя мысль перед сном была не расчётом, а простым, почти детским узнаванием: завтра начинался не очередной день выживания, а первый день дела, которое я строил заново своими руками, с самого начала, второй раз в жизни.

Проснулся я в понедельник в шесть сорок, без будильника, и первое, что почувствовал, ещё не открыв глаз, — волну янтарного тепла, поднимающуюся из груди медленно и уверенно, без единого сбоя. Девятый восстановительный день система подтвердила ещё вчера утром; прожитое воскресенье и последовавший за ним полноценный сон закрывали только десятый. Десять дней подряд воды, еды, сильного движения и непрерывного сна сложились в законченную последовательность без пропуска и без попытки засчитать одну

ночь дважды.

— Десять из десяти, — сказал я вслух потолку, осторожно садясь на кровати. — Последняя ночь на месте. Теперь продолжать уже без счётчика.

Тело не превратилось за ночь в здоровое. Плечо отозвалось тупым натяжением, когда я поднял руку, пятка под пластырем ещё жгла при первом полном шаге, а поясница напомнила о субботнем грузе. Изменилось другое: дыхание не рвалось, голова была ясной, руки держали хватку, и я уже различал рабочую усталость и боль, после которой нужно остановиться.

Растяжку я снова сделал сокращённую, не проверяя плечо на упрямство, и, доедая овсянку, открыл тетрадь. Записал одной строкой: «День десятый подтверждён. Восстановительная последовательность — десять из десяти. Учитываемый заработок — двадцать две тысячи восемьсот двадцать из двадцати пяти тысяч. Остаток до рубежа — две тысячи сто восемьдесят». Бутылка воды, завтрак, пластырь и вечерний сон из расписания не исчезли: закончился обязательный срок, а привычка оставалась.

К одиннадцати тридцати я уже стоял у кухни «Атлант», куда заглянул до выдачи служебного бокса, чтобы своими глазами увидеть, как Валентина собирает первый заказ для третьего корпоративного клиента. Она стояла у разделочного стола с распечатанным списком, придавленным сверху солонкой, и выставляла пять пищевых контейнеров в отдель-

ный ряд — небольшую партию рядом с двенадцатью порциями Виктора Аркадьевича и шестнадцатью Константина Павловича.

— С добрым утром, — сказала она, не отрываясь от раскладки. — Смотри, какая красота — пять штук, будто на семейный обед готовлю, а не на офис.

— Маленький заказ — не значит простой, — сказал я, подходя ближе и разворачивая список рядом с её. — Как у тебя со временем сегодня, успеваешь на все три адреса разом?

— Первым делом третий, — ответила Валентина, кивая на пять контейнеров. — Двенадцать Виктора уже на своей линии, шестнадцать Константина пойдут следом. Расписание я под новый заказ пересобрала вчера вечером, не переживай, никого не обделю.

— Покажи мне позицию Насти без лука до запечатывания, — сказал я. — Курьер крышку готовой еды не поднимает. Мне нужно увидеть кухонную отметку и отдельную сборку здесь.

Валентина указала на малую сковороду у дальней конфорки и на лежавшую рядом карточку: «НАСТЯ — БЕЗ ЛУКА — АЛЛЕРГИЯ». На ручке сковороды была завязана такая же жёлтая лента, а чистый контейнер для этой порции стоял отдельно от остальных четырёх.

— Готовила на этой сковороде, отдельной лопаткой, — сказала она, перекладывая порцию и сразу защёлкивая

крышку по всему ободу. — У меня самой племянница с такой аллергией. Я не выковыриваю лук из общей еды и не надеюсь, что никто не заметит.

Она наклеила жёлтую этикетку поверх стыка крышки и корпуса, поставила рядом время упаковки и расписалась. Я проверил только надпись и целостность ленты; содержимое после этого оставалось делом кухни и не открывалось до получателя.

— Вот за это и отвечаем, — сказал я. — Отдельная посуда, видимая маркировка, целая контрольная лента. РOME передам тот же порядок приёмки.

— Логично, — смягчилась Валентина, беря в руки термометр-щуп и вставляя его в один из горячих контейнеров. — Смотри сам тогда, раз уж пришёл пораньше. Семьдесят два градуса, норма для передачи, час езды до вас там нет, за пятнадцать минут не остынет ниже безопасного порога.

Я кивнул, наблюдая, как она проверяет ещё два контейнера тем же щупом, методично, без спешки, — та же дисциплина, что я видел у неё все прошлые недели, просто применённая теперь к новому, ещё не обкатанному маршруту.

— Кстати, — сказала Валентина, убирая щуп и вытирая его салфеткой, — у меня для тебя новость не радостная, а рабочая. Помощница моя, Люба, та, что упаковкой занимается, слегла с температурой, звонила утром, голос совсем больной. Мне сегодня одной приходится и готовить, и паковать, и твой заказ, и два постоянных. Управлюсь, но, если что-то

в упаковке будет не идеально ровным — не обессудь, я не разорвусь на троих.

Я задумался, взвешивая практическую сторону новости, — не как повод для тревоги, а как факт, требующий решения прямо сейчас, до того, как он превратится в проблему на маршруте. Телефон тяжело лежал в ладони, пока я слушал последние слова.

— Давай помогу только с внешней упаковкой этих пяти, раз я уже здесь, — сказал я. — Еду и пищевые крышки не трогаю. Где у тебя раковина, мыло и одноразовые перчатки?

Валентина посмотрела на меня с секундным удивлением, потом коротко улыбнулась и кивнула на стопку крафтовых пакетов у края стола.

— Там, у двери, — сказала она, кивнув на раковину. — Вымой руки, вытри бумажным полотенцем, перчатки в коробке. Я ставлю уже закрытый контейнер в пакет, ты загибаешь верх и клеишь именную наклейку на боковую сторону. Настин пакет я сама закрою жёлтым скотчем крест-накрест.

Следующие десять минут Валентина закрывала контейнеры и ставила их в крафтовые пакеты, а я в чистых перчатках загибал только бумажные края и клеил стикеры с именами: Сергей Николаевич, Дарья, Игорь Петрович, Настя, Виктор. Пять пакетов выстроились на отдельном подносе; надписи читались сбоку, контрольные ленты оставались на виду.

— Готово, — сказала Валентина, оглядывая пять аккуратных пакетов в ряд на столе. — Спасибо, что подставил плечо,

реально выручил. Оставляю их здесь до Румы; запечатанный заказ принимает и грузит тот, кто его повезёт.

— Обращайся, — сказал я, снимая перчатки и выбрасывая их в ведро у раковины. — Кстати, как Люба, надолго слегла?

— Говорит, два-три дня, обычная простуда, — ответила Валентина, уже возвращаясь к своим двум постоянным заказам, разложенным на соседнем столе. — Если завтра не полегчает, среду снова буду паковать сама, так и знай, вдруг опять понадобится тебе лишней парой рук.

Я приехал к диспетчерской без четверти двенадцать и застал Рому уже там — он стоял у стойки, держа свой потрепанный велосипед за руль одной рукой, а другой протягивал Оксане паспорт для сверки.

Глава 4

— Термобокс номер четыре, — сказала Оксана, доставая из подсобки серый служебный короб и сверяя бирку на крышке со строкой в журнале. — Распишись здесь, время выдачи — одиннадцать пятьдесят шесть. Возврат сегодня же, не позже четырнадцати тридцати, крайний срок, а не ориентир.

Рома расписался, принял бокс и тут же, не дожидаясь напоминания, потянул за оба ремня, проверяя натяжение так, как я показывал ему вчера вечером, — до характерного щелчка, а не на глаз.

— Готово, — сказал он, закрепив короб на багажнике. — Список у меня, пломбы проверю у Валентины на месте.

— Пропуск на тебя заказан на ресепшине, — сказал я, протягивая ему листок с номером бизнес-центра и этажом. — Седьмой этаж, паспорт при себе держи, охрана строгая, без документа выше турникета не пустят.

— Держу, — сказал Рома, похлопав себя по нагрудному карману куртки. — Поехали, время.

Мы доехали до «Атланта» вместе. Я хотел увидеть первую приёмку нового заказа целиком, а Роме предстояло самому отвечать за груз с минуты передачи. Валентина поджидала нас у стола; пять запечатанных пакетов стояли на подносе, никто не перекладывал их в промежуточный бокс.

— Сергей Николаевич, Дарья, Игорь Петрович, Настя без лука, Виктор, — перечислила она. — Настин отдельно, жёлтый скотч крест-накрест. Время и моя подпись на каждой контрольной ленте.

Рома вслух сверил пять имён со своим списком, проверил целостность лент и сам уложил пакеты в служебный бокс: тяжёлое вниз, промаркированный пакет Насти сверху и отдельно от остальных. Затем закрыл бокс, застегнул внешнюю крышку и туго довёл оба крепёжных ремня.

— Всё цело, всё на месте, — сказал он, оглядывая закреплённый груз последним контрольным взглядом. — Погнал, у меня двадцать пять минут до дедлайна.

— Погнали, — сказал я, садясь на свой велосипед рядом.

— Я провожу до входа, дальше ты сам.

Дорога до бизнес-центра на Мичуринском заняла двенадцать минут — Рома вёл уверенно, срезая через знакомый мне ещё по прошлой неделе переулок, минуя перекопанный тротуар, который я в субботу объезжал вслепую, — и, подъехав к главному входу в двенадцать тридцать две, мы оба увидели у стеклянных дверей неожиданную картину: у турникета выстроилась короткая, но плотная очередь из курьеров разных служб, а охранник за стойкой методично сверял документы каждого по очереди, не торопясь.

— Обычно так не бывает, — сказал я, останавливая велосипед и оглядывая очередь. — В субботу здесь я проходил за секунды.

Рома посмотрел на часы на телефоне — двенадцать тридцать три — и в его лице проступило то самое напряжение, которое я уже видел у него в субботу на адресе с ремонтом подъезда.

— Может, просто час пик, — сказал он, но в голосе прозвучала не уверенность, а надежда на неё. — Пойду вставать в очередь, время идёт.

Он встал в хвост очереди, и я, оставшись снаружи с обоими велосипедами, наблюдал через стекло, как очередь двигается медленно — по одному человеку за раз, охранник каждому что-то говорит, кто-то кивает и проходит, кто-то разворачивается и отходит в сторону с недовольным лицом. Через семь минут Рома дошёл до стойки, протянул паспорт, и я

увидел, как охранник, сверившись с монитором, качает головой и что-то говорит, разводя руками.

Рома вышел обратно на улицу спустя минуту, и по его лицу я уже понимал ответ раньше слов.

— Пропуск в системе есть, — сказал он, стараясь говорить ровно, но я слышал в его голосе нарастающую панику человека, у которого рушится первый в жизни серьёзный маршрут. — Охранник говорит, заявка от Сергея Николаевича оформлена на однократный гостевой проход, а сопровождающего сотрудника внизу нет. Без него меня выше первого этажа не пускают, это их внутреннее правило для новых подрядчиков.

Я почувствовал, как внутри включается холодный, деловой режим, каким я двадцать лет разбирал сорванные переговоры прямо в момент срыва, — без паники, но с полной концентрацией на единственном вопросе: что можно сделать прямо сейчас, а не кто виноват.

— Сколько у нас до дедлайна? — спросил я, поворачивая к Роме экран своих часов.

— Пять минут, — ответил Рома, глядя на телефон дрожащей от напряжения рукой.

— Звони Сергею Николаевичу сам, — сказал я. — Не я, ты. Это твой адрес и твой контакт с клиентом, тебе с ним работать дальше, если пилот продлится. Объясни ситуацию коротко и по делу, без извинений сверх меры.

Рома на секунду замялся, но тут же кивнул, будто реше-

ние вместо паники дало ему опору, и набрал номер, поставив телефон на громкую связь между нами.

— Сергей Николаевич, добрый день, это Роман, курьер, — сказал он, и я услышал, как голос его выровнялся уже на первой фразе, обретая ту самую собранность, которую я видел у него на маршруте в субботу. — У нас проблема на входе: охрана говорит, заявка на пропуск оформлена только разово, а сопровождающего сотрудника снизу нет. Заказ у меня в руках, горячий, я стою у турникета.

— Твою мать, — донёсся из трубки голос Сергея Николаевича, но не раздражённый, а скорее досадливый на собственную забывчивость. — Гостевой пропуск я сделал, а кто встретит внизу, не назначил. Дай мне охранника, я подтверждаю заявку и сейчас спущусь сам.

Рома передал телефон охраннику через стойку. Тот сверил фамилию в заявке, выслушал Сергея Николаевича и положил трубку обратно.

— Ждите здесь, — сказал охранник. — Пока сотрудник не спустится и не распишется за сопровождение, турникет я не открою.

Через три минуты из лифтового холла быстрым шагом вышел Сергей Николаевич, расписался в журнале, приложил свой пропуск к считывателю и провёл Рому через турникет.

Рома прошёл турникет и обернулся ко мне, ещё стоящему снаружи со связкой велосипедов, с коротким, почти извиняющимся взглядом.

— Прорвались, — сказал он. — Но время уже без четверти час, а я только вошёл в холл. К обещанным двенадцати сорока пяти на седьмой этаж уже не поднимусь.

— Успевай сейчас доставить, — сказал я. — Несколько минут задержки на входе по правилам заказчика — не твоя вина и не повод для паники. Сергей Николаевич сам это знает, он только что это подтвердил голосом.

Рома кивнул и скрылся за турникетом, а я остался снаружи с двумя велосипедами, чувствуя короткое, но настоящее уважение к тому, как он справился с первым реальным сопротивлением на новом маршруте — не звонком мне за готовым решением, а собственным звонком клиенту, который был единственным человеком, способным решить проблему на месте.

Я привязал оба велосипеда к стойке у входа и остался ждать снаружи, на скамейке в тени козырька, откуда через стеклянный фасад просматривался холл и часть лестницы, ведущей к лифтам, — не потому что не доверял Роме довести дело до конца, а потому что первый выход на новый корпоративный адрес заслуживал моего личного контроля до самого закрытия, как заслуживал бы контроля любой первый пилотный запуск в моей прежней жизни.

Через пятнадцать минут Рома вышел с пустым служебным боксом за спиной, и по его лицу — усталому, но светлому, с той характерной, ещё не до конца привычной ему самому смесью облегчения и гордости — я понял, что доставка про-

шла успешно.

— Все пятеро приняли, Настя расписалась отдельно за свою порцию, ещё и переспросила меня три раза, точно ли без лука, — сказал Рома, присаживаясь рядом на скамейку и переводя дыхание. — Сергей Николаевич сам спустился в холл, извинялся за встречу раз пять, говорит, это целиком его недосмотр, а не наш.

— Молодец, — сказал я искренне, чувствуя тот самый короткий, деловой всплеск удовлетворения, с каким когда-то принимал отчёт об успешном запуске в новом городе. — А что с Виктором из техподдержки, он один был не в списке постоянных, я его раньше не встречал?

— Странный мужик, — сказал Рома, невольно усмехнувшись. — Открыл контейнер прямо при мне, понюхал, говорит: «О, нормальная еда, а не та бурда, что нам обычно из соседнего кафе таскают». Спросил, можно ли будет заказывать что-то без острого, у него, говорит, желудок слабый после гастрита. Я записал в блокнот, сказал, что передам тебе для следующего списка.

— Что именно Виктор попросил передать кухне? — спросил я. — «Без острого» у всех означает разное: одному перец убрать, другому и горчицу нельзя.

— Он открыл свою порцию при мне, попробовал соус и сказал, что такая острота ему уже тяжеловата после гастрита, — ответил Рома, перелистывая блокнот. — Я переспросил: чёрный перец исключить совсем или просто меньше? Ска-

зал, совсем. Горчица тоже не нужна. Записал обе вещи, вот.

Он показал строку с именем и двумя подчёркнутыми пометками. Я прочёл её и кивнул: просьба клиента перестала быть расплывчатым впечатлением и превратилась в то, что можно было без потерь передать Валентине.

Я достал телефон и внёс пометку в заметки — «Виктор техподдержка: без острого» — рядом с уже существующей строкой про Настю, чувствуя, как список клиентских требований третьего сектора обрастает живыми, конкретными деталями быстрее, чем я успевал их фиксировать.

— Записал, — сказал я. — Это как раз то, ради чего я хотел, чтобы список вёл ты, а не я через третьи руки — ты видишь людей лично, а я только цифры в отчёте.

Пока мы разговаривали, у Ромы завибрировал телефон — сообщение от Сергея Николаевича, которое он тут же зачитал вслух: «Роман, спасибо за терпение с пропуском, моя вина полностью. Еда отличная, Настя довольна, Виктор тоже хвалит. Перевёл оплату по карточке, проверьте счёт. Среда в том же режиме, встречу оформлю сегодня же».

— В общей карточке оплата появилась, — сказал Рома, открывая сообщение от Оксаны. — Четыре тысячи сто, как договорено. Мои тысячу сто она выдаст после сверки ведомости.

Мы вернулись к «Атланту» вместе, и там, у входа на кухню, нас поджидала неожиданная сцена: молодая женщина лет тридцати пяти, в деловом костюме, явно не по местному

квартиры, разговаривала с Валентиной чуть на повышенных тонах, размахивая телефоном.

— Это дочь Виктора Аркадьевича, — тихо сказала Валентина, увидев нас и коротко кивнув в сторону раздражённой женщины. — Отец попросил её заскочить забрать домой отдельный обед, а курьер её службы сегодня заболел, вот она мечется по всему району в обеденный перерыв.

Женщина, услышав часть разговора, обернулась к нам с явным раздражением человека, потерявшего час на пустое дело.

— Простите, вы куда-то в сторону Ленинского едете случайно? — спросила она резко, но без грубости, скорее с усталой безнадёжностью. — Мне нужно доставить лекарство отцу, у него был бы обычный курьер, но он заболел, а я сама за рулём не успеваю, пробки адские.

Я прижал большой палец к экрану карты. Ленинский лежал по пути к оставшимся вечерним адресам, а до следующей заявки сохранялся запас времени. Я показал женщине маршрут на экране.

— По пути, — сказал я. — Что за лекарство и куда точно? Она объяснила быстро, с той же нервной торопливостью, — аптека рядом, адрес отца в пяти минутах от моего следующего заказа, — и, получив от неё деньги на лекарство и адрес, я забежал в соседнюю аптеку, купил названную коробку и, заехав по пути к Виктору Аркадьевичу, лично вручил её тому в руки вместе с коротким, деловым «просили пере-

дать». Аптечный чек и сдачу я положил в пакет рядом с коробкой, чтобы Виктор Аркадьевич мог сразу сверить покупку.

— Лев, вот это сервис, — сказал Виктор Аркадьевич, принимая пакет с явным удивлением. — Дочь мне только что звонила, сказала, что нашла какого-то доброго курьера у Валентиновой кухни. Не ожидал, что это снова окажетесь вы.

— Мир тесен, особенно в радиусе трёх кварталов, — сказал я, невольно усмехнувшись. — Рад был помочь, это заняло десять минут, не больше.

— Такое не забывается, — сказал Виктор Аркадьевич серьёзнее. — Я своей ассистентке скажу, чтобы впредь, если у неё будет какой-то срочный внеплановый заказ, сначала звонила вам, а не искала случайных людей по объявлениям.

Оставшуюся часть дня Рома вернул служебный бокс Оксане и уехал домой готовиться к вечерним занятиям, а я взял четыре обычных городских адреса подряд — тот ритм последних дней, в котором маршрут уже выстраивался в голове без бумажного листа. Первый — упаковка бытовой химии в пятиэтажку без лифта, четыреста семьдесят рублей с доставкой до двери. Второй — коробка канцтоваров в небольшую мастерскую по ремонту обуви, пятьсот двадцать рублей, где хозяин, невысокий мужчина в фартуке, придиричиво пересчитал каждую позицию по накладной, прежде чем расписаться. Третий — продуктовый заказ пожилой паре на втором этаже, четыреста восемьдесят рублей, где меня напо-

или чаем на пороге за то, что донёс тяжёлый пакет с крупами прямо до кухонного стола. Четвёртый, последний, — букет и коробка конфет к юбилею соседки по двору, заказанные её взрослым сыном из другого города, четыреста тридцать рублей за доставку с доплатой за аккуратность цветов.

На последнем адресе, вручая букет пожилой женщине, растроганной до слёз тем, что сын не забыл про её день рождения, я получил от неё чаевые — двести двадцать рублей, которые она буквально силой вложила мне в руку, отказавшись слушать вежливые возражения.

— Бери, бери, — сказала она, накрывая мою ладонь своей сухой, тёплой рукой. — Ты сегодня не просто цветы принёс, ты мне доказал, что сын обо мне помнит. Это дорогого стоит, а деньги — мелочь.

К шести часам вечера я вернулся в диспетчерскую, где Оксана уже сводила дневную ведомость, разложив передо мной на стойке короткий список цифр.

Глава 5

— Пилотный рейс Сергея Николаевича закрыт, — сказала она, водя пальцем по строке. — Клиентская оплата — четыре тысячи сто. Кухня Валентины при разовой партии на пять человек обошлась дороже, чем при опте — две тысячи шестьсот, ставка Ромы — тысяча сто, диспетчерская комиссия за новую карточку — двести пятьдесят. Твоя чистая доля с пилота — сто пятьдесят рублей.

— Немного, — сказал я, — но это цена входа в новый сектор, а не постоянная цифра. Партия вырастет, кухня со вре-

менем даст опт, комиссия за разовое оформление карточки больше не повторится.

— Согласна, — кивнула Оксана. — Дальше твои четыре городских адреса: четыреста семьдесят, пятьсот двадцать, четыреста восемьдесят и четыреста тридцать, итого тысяча девятьсот. Плюс чаевые двести двадцать с последнего адреса. Итого за день у тебя чистыми две тысячи двести семьдесят рублей.

Она отсчитала мне сумму наличными, и я убрал деньги в отдельный карман, привычным уже движением отделяя их от повседневных расходов. Физическая касса выросла с пяти тысяч двухсот пятидесяти восьми до семи тысяч пятисот двадцати восьми рублей. Когда Оксана отвернулась к следующей карточке, в груди мягко, тепло разлилась знакомая янтарная волна, только на этот раз она не остановилась на середине груди, а прокатилась вся, целиком, до самых кончиков пальцев.

«Система: Учитываемый заработок: двадцать две тысячи восемьсот двадцать плюс две тысячи двести семьдесят. Итог: двадцать пять тысяч девяносто из двадцати пяти тысяч. Условие заработка выполнено. Условие доставок выполнено. Условие восстановления выполнено. Длинный рубеж пройден полностью».

Я застыл посреди диспетчерской с зажатыми в кулаке купюрами, не сразу поверив тому, что почувствовало тело раньше, чем осознала голова, — не привычное частичное

подтверждение вечера, а полное закрытие условия, которое я нёс через двадцать доставок, десять восстановительных дней и почти одиннадцать суток жизни в этом теле.

— Ты чего застыл? — спросила Оксана, оборачиваясь и с любопытством глядя на моё лицо. — Будто вавилонскую башню только что построил.

— Почти, — сказал я, не сдержав короткой, честной улыбки. — Просто закрыл давний счёт с самим собой. Тебе не понять, а мне сейчас важно.

Домой я шёл пешком, ведя велосипед рядом, потому что ноги сами замедлили шаг, будто тело хотело растянуть этот вечер подольше, а не проглотить его на скорости обычного маршрута. Янтарное тепло не гасло всю дорогу — оно держалось ровным, глубоким фоном, каким держится сытость после хорошей еды, и где-то на середине пути внутри головы прозвучало то самое сухое, деловое сообщение, каким система разговаривала со мной с самой первой ночи:

«Система: Доступен выбор рабочего инструмента. Первое — проверенный городской велосипед, лучше используемого сейчас: облегчённая рама, надёжный ход на длинных сменах, меньшая цена для тела на существующем маршруте. Второе — термобокс с отдельными температурными зонами: горячее и холодное одновременно, без потери качества ни в одном отсеке. Предложение удерживается семьдесят два часа. Цена каждого предмета — рыночная, оплата собственными средствами покупателя».

Я остановился посреди тротуара, поставил велосипед на подножку и достал тетрадь, чтобы прикинуть выбор не на эмоции, а тем же холодным расчётом, каким когда-то выбирал, какую линию расширять первой — географию или асортимент.

Старый зелёный велосипед честно вынес на своей раме все одиннадцать дней моей новой жизни, но я уже чувствовал его предел: рама тяжелее нужного, передачи не держат город на длинной дистанции, а каждый лишний километр в день отбирал у тела ресурс, который я с таким трудом собирал. Новый велосипед решал бы именно эту, уже осязаемую проблему — расход сил на существующих маршрутах.

Термобокс с отдельными зонами решал бы другую задачу — ту, которой у меня пока формально не было, но которая маячила на горизонте буквально сегодня: клиенты вроде Сергея Николаевича со временем захотят разное блюдо для разных вкусов, холодные закуски вместе с горячим супом в одной поездке, а мой нынешний бокс, пусть и новый, не умел держать два температурных режима одновременно.

«Что первым вернёт вложение», — подумал я, глядя на велосипед у себя под рукой, — не какой предмет круче, а какая проблема сейчас реально ограничивает заработок. Термобокс с зонами открыл бы заказы, которых у меня пока нет ни одного подтверждённого; велосипед ускориł бы то, что я уже делаю каждый день, на всех трёх постоянных адресах разом, включая только что закрытый пилот Сергея Никола-

евича.

— Велосипед, — сказал я вслух пустой улице, тем самым тоном, каким когда-то объявлял решение совету директоров после долгого обсуждения. — Сначала скорость на том, что уже приносит деньги, а зоны в боксе подождут, пока появится клиент, готовый платить именно за них.

Решение легло в голову спокойно: за эти одиннадцать дней я впервые выбирал инструмент не для того, чтобы дотянуть до вечера, а потому, что мог посчитать его отдачу на уже существующей работе.

Я положил ладонь на тяжёлую зелёную раму и мысленно подтвердил выбор. Янтарное тепло коротко собралось под грудиной, и ответ прозвучал без торжественности: «Система: Выбор принят: городской велосипед. Предложение термобокса с отдельными зонами закрыто». Вторая строка исчезла; осталось одно направление, один проверяемый предмет и семьдесят два часа на реальную сделку.

Дома, уже за столом, я записал последнюю строку вечера: «Выбор — велосипед. Осмотр и покупка — при первой возможности, за свои деньги, срок семьдесят два часа». Рядом добавил: «Завтра утром — звонок Виталию; искать конкретную вещь под заданные параметры, а не ехать наугад».

Перед сном я убрал тетрадь и погасил свет над столом и, ложась спать, поймал себя на мысли, что впервые за всё время в этом теле засыпаю не с ощущением человека, который выживает от смены до смены, а с ощущением человека, у ко-

торого завтра — это не очередной день борьбы, а первый рабочий день новой, чуть более крепкой версии его собственного маленького дела.

Плечо разбудило меня раньше будильника — тупым, тягучим напоминанием о субботней скобе с восемью литрами огурцов и воды, к которой вчера добавились пилот и четыре городских адреса. Я лежал в темноте, слушая собственное тело так, как слушал бы утренний отчёт нового цеха: не веря общему «нормально», а проверяя каждую часть отдельно.

«Счёт в тетради остановился, — подумал я, поднимая правую руку и чувствуя, как сустав отзывается тем же тупым протестом, что и вчера вечером. — А тело по-прежнему живёт не в цифрах. Для него двадцать доставок были физикой, а не строкой».

Я сел на кровати, спустил ноги на холодный пол и первым делом свёл лопатки, проверяя амплитуду, — рука поднялась выше груди свободнее, чем вчера, но на исходе движения плечо всё равно кольнуло, коротко и остро, будто напоминая, что счёт за понедельник ещё не закрыт целиком.

— Десять из десяти — это не значит ноль из десяти по боли, — сказал я вслух пустой комнате, растирая плечо ладонью круговыми движениями, как растирал бы застуженную мышцу любого своего сотрудника перед сменой. — Условие системы закрыто. Условие тела — отдельная бухгалтерия.

Пятка отозвалась знакомым жжением, стоило опустить стопу на пол всем весом, и я, прежде чем вставать полно-

стью, осмотрел её при свете телефона — пластырь держался, кожа под ним была розовой, заживающей, но ещё не готовой к новому дню в тесном ботинке без амортизации. Ноги гудели ровной, разлитой тяжестью — тем самым чувством, которое накапливается не за один день, а за десять, и не проходит от одной ночи сна, даже полноценной.

Я встал, держась за спинку кровати, и сделал первые несколько шагов до окна медленно, ощупывая каждый сустав отдельно движением, а не общим впечатлением «нормально или не нормально». Колени держали. Поясница отзывалась глухим, терпимым напряжением, не тем острым уколом, который оставила субботняя скоба с банками. Дыхание шло ровно, без той рвущейся одышки, что мучила меня в первые дни этого тела.

«Значит, запас начал возвращаться, — подумал я, глядя в окно на серое утреннее небо. — Не весь, не мгновенно и не бесплатно. Я собирал его каждый день водой, едой, сном и движением, а последняя цифра в тетради ничего не вылечила сама».

В памяти всплыло, как двадцать лет назад читал отчёты медицинского центра для сотрудников холдинга: там всегда была одна и та же кривая, которую врачи показывали на каждой презентации, — организм не признаёт финишную ленту, признаёт только накопленную привычку. Кто бросал зарядку в день, когда получал сертификат о завершении программы реабилитации, откатывался назад быстрее, чем набирал

форму. Сейчас я стоял ровно перед тем же выбором, только вместо презентации передо мной было моё собственное тело в чужой квартире.

— Значит, дисциплина остаётся моя, а не системная, — сказал я, взяв с полки бутылку воды и делая первый долгий глоток. — Хочешь жить в этом теле дальше — плати каждый день, а не разово.

Я сделал сокращённую растяжку, ту же, что вчера, — без резких наклонов, без нагрузки на правое плечо, — и, закончив, съел овсянку, глядя в окно на пустой двор, где вчера ещё маячила скамейка с призраком Толяна и Витька, а сегодня не было даже дворника с метлой. Тетрадь лежала на столе закрытой, и я впервые за одиннадцать дней не спешил её открыть — рубеж был закрыт, а новый ещё не начался, и в этой паузе было что-то похожее на воскресенье, только настоящее, без диспетчерских звонков и списков.

Достав телефон, я перечитал вчерашнюю запись о выбранном городском велосипеде тем же въедливым взглядом, каким когда-то читал условия крупной сделки перед подписью. В записи стояли четыре опоры: рама легче нынешней, ход надёжен на длинной смене, расчёт своими деньгами по рыночной цене, срок — семьдесят два часа.

Семьдесят два часа с понедельничного вечера — значит, у меня было время примерно до вечера четверга, чтобы найти конкретную вещь, а не абстрактную категорию, и заплатить за неё свои, живые деньги. Я уже выбрал направление вче-

ра ночью — велосипед, а не термобокс с отдельными зонами, — и сейчас оставалось единственное дело: превратить абстрактную формулировку «облегчённая рама, надёжный ход» в реальный предмет, стоящий в реальном месте.

Я позвонил Виталию в половине девятого: за последние дни успел заметить, что мастер встаёт рано и уже возится у станка, когда весь двор ещё спит.

— Виталий, доброе утро, — сказал я, услышав в трубке знакомое металлическое позвякивание инструмента о верстак. — Не отвлекаю?

— Колесо правлю, — ответил он, и звяканье стихло. — Пять минут есть, говори. Рома вчера заезжал, я слышал, пилот прошёл нормально.

— Прошёл, — подтвердил я, присаживаясь на табурет у окна. — У меня к тебе другое. Мне нужен городской велосипед, лучше того, что у меня сейчас, — легче рама, ход надёжнее на длинных сменах. Не с нуля выбирать хочу гадать по объявлениям, а спросить у тебя: у кого из твоих знакомых, из тех, кто продаёт или сдаёт технику, есть что-то конкретное прямо сейчас, что ты сам бы поставил рукой на этот список требований?

Виталий помолчал секунду — не задумываясь, а будто мысленно перебирая свой собственный внутренний каталог знакомых продавцов, тот самый, что накапливается годами у любого мастера, который в курсе, кто в районе продаёт, а кто покупает.

— Есть один человек, — сказал он наконец. — Через меня к нему уже обращались знакомые. Держит гараж у путей, торгует и чинит подержанные велосипеды, но не абы что, а всегда с историей и с документами на раму, если есть. У него сейчас стоит один экземпляр, я его сам щупал несколько дней назад, когда он звонил спросить про запчасть. Гибрид, городской, рама лёгкая, алюминий, а не сталь, как у твоего зелёного ветерана.

— Марка? — спросил я, доставая тетрадь и открывая чистую страницу.

— «Стелс Навигатор», — сказал Виталий. — Точную модификацию по памяти не назову и выдумывать не стану, надо смотреть на раме. Владелец переезжает в другой город, машину купил, велосипед ему теперь без надобности. Прогнал, кажется, около десяти с половиной тысяч. После осмотра будет видно, за что там торговаться.

Я записал слово в слово, чувствуя ту самую собранность, с которой раньше слушал отчёт разведки рынка перед выходом в новый регион.

— Ты можешь сегодня со мной туда съездить? — спросил я. — Не потому что сам не разберусь, а потому что твой глаз на технике я уже проверил на боксе, и он того стоил.

— Могу после обеда, — сказал Виталий. — У меня до трёх запись плотная, а после — свободное окно. Закончишь свой маршрут — позвони, к половине пятого встретимся у гаража. Он в двадцати минутах от меня в сторону путей, я

тебе адрес скину.

— В половине пятого, — сказал я, обводя время в тетради. — Спасибо, что вспомнил конкретного человека, а не отправил меня искать наугад по объявлениям.

— Обращайся, — ответил Виталий, и в трубке снова зазвенел металл — он вернулся к колесу. — До половины пятого.

Глава 6

Я убрал телефон и свёл то, что действительно лежало дома и в кармане. После воскресной покупки бокса осталось четыре тысячи пятьдесят восемь свободных рублей и тысяча двести в конверте на еду и коммуналку; понедельничная выплата принесла ещё две тысячи двести семьдесят. Во вторник утром вся физическая касса составляла семь тысяч пятисот двадцать восемь рублей, из которых тысяча двести уже имела бытовое назначение. Учитываемые системой двадцать пять тысяч девяносто были историей заработка, а не второй

пачкой денег под подушкой.

— Семь тысяч пятьсот двадцать восемь есть физически, — сказал я вслух. — На покупку и неизбежное обслуживание хватит после сегодняшней работы, а завтрашний заработок сохранит запас после расчёта.

Занять я мог — Оксана дала бы в долг под будущий заработок, я знал это так же твёрдо, как знал когда-то, что банк даст кредитную линию под подтверждённый оборот, — но сама мысль об этом отозвалась во мне почти физическим сопротивлением, тем самым чувством, с каким я отказывался занимать деньги даже в самые тяжёлые для холдинга годы, предпочитая договориться об отсрочке платежа поставщику, а не садиться в чужой карман.

«Я двадцать лет учил людей не занимать на текущие расходы то, что можно заработать работой, — подумал я, убирая тетрадь в карман куртки. — Не начну учить себя обратному сейчас».

Я допил воду, застегнул куртку и вышел из квартиры, чувствуя, как утренний воздух холодит лицо и слегка отрезвляет тело после долгой неподвижности ночи, — не потому что впереди была смена по расписанию, а потому что впереди было дело, которое я сам себе назначил: заработать запас для сделки, сохранить бытовой конверт и расплатиться за велосипед своими деньгами.

Диспетчерская встретила меня непривычным для утра вторника шумом: Оксана стояла у стойки с телефоном —

прижатым плечом к уху, и одновременно листала что-то на экране, а рядом с ней топталась незнакомая мне женщина лет сорока в фартуке поверх пальто, явно забежавшая сюда прямо с рабочего места.

— Секунду, — бросила мне Оксана, не отрываясь от разговора, и через полминуты закончила звонок коротким «перезвоню, как будет курьер». — Лев, вовремя. Знакомься — Алина Сергеевна, у неё цветочная мастерская в районе Киевской, три готовых заказа горят прямо сейчас, а её обычный человек слёг с температурой ещё вчера, как назло.

— Не слёг, а слегла Ольга, моя постоянная развозчица, — вставила Алина Сергеевна с досадой, поправляя выбившуюся из-под платка прядь. — Валентина вчера жаловалась, что у неё помощница Люба заболела, а сегодня и моя Ольга с температурой. Будто весь район разом свалился, представляете?

Я почувствовал короткий, почти профессиональный интерес: маленький бизнес района держался на тонком слое немногих рабочих рук, и стоило сразу двум людям заболеть, как трещина прошла через кухню и цветочную мастерскую одновременно.

— Что за заказы? — спросил я, доставая тетрадь. — И что значит «горят»?

— Три композиции, — сказала Алина Сергеевна, разворачивая на стойке смятый листок с рукописным списком. — Первая — на юбилей, пятьдесят лет, большая, высокая, в

корзине, заказчица просила именно к обеду, у неё гости к трём. Вторая — свадебная, скромнее, но нежная, белые розы с эвкалиптом, нужна к торжественной части в загсе, а загс у них в час дня. Третья — соболезнование, венок, простите, но это тоже моя работа, и её нужно доставить раньше всех, к десяти, отпевание в одиннадцать.

Я записывал, чувствуя, как за спиной этих трёх слов — юбилей, свадьба, похороны — встают три совершенно разных дня совершенно разных людей, которые сегодня утром ждали от моего маршрута не абстрактной доставки, а точного попадания в момент их жизни.

— Адреса разные? — спросил я, проводя карандашом три отдельные строки.

— Все в разных концах, — подтвердила Алина Сергеевна, — венок на Востряковское, это далеко, свадьба в загсе на Юго-Западе, юбилей — почти рядом со мной, на соседней улице, только это как раз последняя точка по времени, к трём. Порядок сложный, я сама голову сломала, пытаюсь его выстроить, потому что раньше у меня развозкой всегда занималась Ольга на своей машине, а не курьер на велосипеде.

Я задумался, прикидывая логистику не как курьер, привыкший брать заказы по одному, а как логист, которому принесли три точки с тремя разными дедлайнами и попросили выстроить маршрут так, чтобы ни одна не сорвалась.

— Порядок понятен сразу, — сказал я. — Не по расстоянию, а по времени: венок к десяти, значит, едет первым и с

самым большим запасом, потому что Востряковское далеко и там может быть что угодно на дороге. Свадьба к часу — вторая, у меня будет три часа форы после венка. Юбилей к трём — последний, он ближе всех, и запас там самый большой.

Алина Сергеевна посмотрела на меня с удивлением, которое я уже привык видеть на лицах людей, ожидавших от курьера покорного «Система: хорошо, куда скажете», а получавших вместо этого встречный расчёт.

— Вы прямо как диспетчер рассуждаете, — сказала она.

— Раньше приходилось, — сказал я, не вдаваясь в подробности. — Сколько платите за весь маршрут разом, а не по отдельным доставкам? Три точки, три разных района, хрупкий груз, жёсткие дедлайны — это не рядовая курьерская ставка.

Оксана, до этого молчавшая, коротко кивнула мне, будто одобряя сам факт, что я не стал соглашаться на первую названную цифру.

— Обычно я плачу по восемьсот за доставку, итого две четыреста, — сказала Алина Сергеевна не очень уверенно, явно ожидая, что цифра прозвучит спорной.

— За обычный заказ этого хватило бы, — сказал я. — Но здесь не обычный заказ. Венку нужна широкая плоская опора, свадебной композиции — отдельное чистое гнездо, юбилейной корзине — высокая открытая тара; живые цветы боятся тряски и ветра больше, чем банка огурцов. Три восемьсот за весь маршрут, с гарантией, что каждая точка попадёт

в своё время, — честная цена за расстояние и риск.

Алина Сергеевна на секунду замялась, явно взвешивая разницу между тремя восьмьюстами и своими привычными двумя четырьмястами, а Оксана демонстративно углубилась в расписание на экране, оставляя нас разбираться без своего вмешательства.

— Хорошо, — сказала наконец Алина Сергеевна, выдохнув с той интонацией человека, который согласился не потому что сдался, а потому что понял правоту цифры. — Три восемьсот за весь маршрут, но тогда я хочу, чтобы вы сами приехали за упаковкой, я покажу лично, как крепить композиции, у меня в мастерской особый способ, чтобы бутоны не мялись.

— Договорились, — сказал я, протягивая руку для пожатия, и почувствовал в её хватке неожиданно твёрдую, рабочую силу человека, который сам режет стебли и таскает ведра с водой каждый день. — И ещё одно условие с моей стороны: если что-то в упаковке не выдержит дороги не по моей вине, а по вине материала или спешки, — это ваш риск. Если я разобью или помну по своей небрежности — мой.

— Разумно, — сказала Алина Сергеевна, и в её голосе прозвучало явное облегчение от того, что условия обозначены вслух, а не остаются недосказанностью, всплывающей потом в виде взаимных претензий. — Едем сейчас, у меня минут пятнадцать до мастерской пешком, а вам после маршрута ещё к продавцу велосипеда.

Мы вышли из диспетчерской вместе, и я, толкая велосипед рядом с её быстрым шагом, поймал себя на том, что впервые за эти одиннадцать дней веду переговоры не о своей смене и не о своей ставке, а о чужом бизнесе — тем самым навыком торговаться по фактам, не давя на чужую беду и не соглашаясь на первую цифру, который я оттачивал двадцать лет за столом переговоров совсем другого масштаба.

Мастерская Алины Сергеевны оказалась узким, заставленным вёдрами и стеллажами помещением, где пахло сырой землёй, влажной зеленью и слабым, сладковатым духом увядающих у входа срезанных гвоздик, — запах, от которого у меня почему-то сжалось в груди чем-то похожим на воспоминание, хотя я тут же одёрнул себя: чужой запах не обязан нести за собой мою собственную память, если я не могу назвать, откуда именно она взялась.

— Вот они, — сказала Алина Сергеевна, подводя меня к рабочему столу, где стояли три готовые композиции. Венок был плотным, тёмным, с белыми хризантемами по кругу, тяжёлым на вид даже без взвешивания. Свадебная композиция — невысокая корзина с белыми розами и веточками эвкалиптовой зелени, перевитая тонкой атласной лентой. Юбилейная — самая крупная, высокая корзина с яркими орхидеями и гладиолусами, торчащими вверх острыми стрелами.

— Юбилейная не влезет в термобокс стоя, — сказал я, прикидывая габариты взглядом. — Слишком высокая.

— Знаю, — сказала Алина Сергеевна, доставая из-под

стола специальную транспортировочную коробку из плотного картона с прорезями по бокам. — Для таких у меня своя тара, она снимает нагрузку сбоку, а верх остаётся открытым — просто ехать нужно очень аккуратно, без резких поворотов и без встречного ветра в лицо, иначе стрелки гладиолусов пригнёт.

Я взял коробку в руки, повернул, оценивая вес и баланс, и почувствовал в самой конструкции нечто вроде инженерного решения, знакомого мне по совсем другой сфере, — распределённая нагрузка вместо жёсткого захвата, та же логика, что применяли инженеры логистики к хрупкой электронике.

— А венок как крепится? — спросил я, поворачиваясь к тёмной, плотной композиции.

— Плашмя, на решётке, — сказала Алина Сергеевна, показывая специальную плоскую подставку с бортиками. — Его нельзя ставить на ребро, лента развяжется и цветы сместятся. Повезёте в багажном коробе плашмя, придавите с боков полотенцем, я вам дам, чтобы не болтался.

Я примерил ширину венка к багажнику, высоту юбилейной корзины к коробу и сразу снял руки с ремней.

— Все три одним грузом не поедут, — сказал я. — Венок требует широкой плоской опоры, свадебная корзина — отдельного чистого гнезда, а юбилейная поднимет центр тяжести выше седла. Если сложить их этажами, первый боковой порыв решит судьбу сразу трёх чужих дней. Сначала венок, возвращаюсь за свадебной, после загса беру юбилейную на

короткий адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.